

УДК 330.82
JEL B15

В. И. Клисторин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова 2, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
пр. Акад/ Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

klistorin@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Обсуждается научная программа, парадигма и место в экономической науке исторической школы. Показано, что в экономической литературе существуют диаметрально противоположные точки зрения на значение исследований в рамках этого направления для развития экономической мысли как в прошлом, так и в настоящем. Описаны принципиальные расхождения между представителями исторической школы и классической политической экономии. Проанализированы и обобщены взгляды разных авторов на содержание исследовательской программы и парадигмы исторической школы. Выявлены отличительные черты исследований в рамках данного направления и показано, что их нельзя смешивать с эмпирическими или историко-экономическими исследованиями, которые могут проводиться и в рамках альтернативных подходов. Описаны некоторые достижения исторической школы, которые широко используются в других направлениях науки и / или стали общепризнанными. Предложены дополнительные аргументы для обоснования преемственности и взаимовлияния между исторической школой, марксизмом и старым американским институционализмом.

Ключевые слова: научная программа, парадигма, немецкая историческая школа, старая, новая историческая школа, марксизм, позитивизм, старый институционализм.

Постановка проблемы

В истории экономической мысли изложение основных идей и достижений представителей исторической школы обычно занимает периферийное положение, и создается впечатление, что единственное основание для включения подобного материала в учебный курс не более чем дань традиции. На это указывает и то обстоятельство, что ряд учебников просто опускает сюжеты, посвященные исторической школе и историко-социальному направлению в экономической науке в целом. В качестве примеров сошлемся на учебники В. М. Белоусова и Т. Е. Ершовой [1], Г. Делепляса [2] и некоторые другие. М. Блауг в фундаментальной работе по истории экономической мысли упоминает историческую школу только один раз и то в заключительной главе [3. С. 657]. И. П. Гурова хотя и посвятила свои работы методологии экономической науки и историко-экономических исследований, также не выделяет в своих работах историческую школу ни в плане достижений, ни в порядке критики или в сопоставлении с другими направлениями экономической мысли [4; 5].

Широко распространено представление о том, что работы, выполненные в рамках исторической школы, тождественны историко-экономическим исследованиям. Другим распространенным заблуждением является отождествление исторической школы с эмпирическими исследованиями. В данной статье мы попытаемся показать, что все эти представления неверны.

Клисторин В. И. Исторические судьбы исторической школы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 168–177.

По нашему мнению, историческая школа имеет достаточно длительную традицию теоретического осмысления экономического развития и серьезные научные достижения, используемые и в настоящее время. Представители исторической школы действительно собирали, обрабатывали и представляли в своих работах огромный объем социально-экономической информации (причем не только фактической или статистической, но и относящейся к функционированию институтов и, более широко, общественной жизни в целом). Они внесли важный вклад в разработку методов анализа экономической информации, предложили множество индикаторов и критериев оценки социально-экономических процессов. К числу достижений исторической школы относится включение исследования формальных и неформальных институтов в предмет экономического анализа и установление некоторых важных закономерностей экономического развития. Другими словами, «историк» создавали и развивали собственные оригинальные теоретические схемы. Поэтому важной задачей является реконструкция их научной программы и парадигмы, что и позволяет говорить об исторической школе как особом направлении в экономической теории.

Отметим, что авторы историко-экономических исследований использовали в своих работах различные экономические теории: от классической политической экономии и марксизма до последних вариантов неоклассики и институционализма. Поэтому важно разделить историко-экономические исследования, выполненные в парадигме исторической школы и альтернативных теорий.

Наличие собственной научной программы и парадигмы исторической школы во многом предопределило особенности понятийного аппарата, используемые методы анализа и основные результаты исследований и выводы.

Истоки немецкой исторической школы

Бен Селигменне случайно начинает свою книгу с главы, посвященной исторической школе, и достаточно подробно и в целом правильно излагает основные идеи, лежащие в ее основе [6]. Убедительно представлен генезис исходных принципов этого направления экономической мысли начиная с работ философов и правоведов Г. Гегеля и Ф. фон Савиньи и последующая интеграция идей социологов-позитивистов, например О. Конта, и историков культуры, таких как В. Дильтей и Л. фон Ранке. Но он игнорирует влияние на экономистов исторической школы несомненного прогресса истории. Превращение истории из науки, изучающей деяния личностей, в науку, направленную на исследование общественных движений, включение институциональных и экономических факторов в числе движущих сил истории, исторические и историко-экономические исследования, выполненные в этот и предшествующий периоды, конечно же оказали большое влияние на развитие всех направлений экономической науки, и особенно на формирование исторической школы.

Кроме того, он даже не упоминает камералистику, в рамках которой были заложены многие идеи государственного управления, нашедшие отзвуки в работах представителей исторической школы, например теории бюрократии М. Вебера. Наконец, Б. Селигмен не указывает среди истоков исторической школы теорию и историю культуры, видными представителями которой были И. Гердер или Г. Лессинг, и, более широко, идеи английских, французских и немецких авторов эпохи просвещения. Например, очень часто проводится параллель между идеями старой немецкой исторической школы и работами Э. Берка [7. С. 23]. Неоправданное сужение временного периода и тематики исследований приводит Б. Селигмена к несколько искаженным представлениям об истоках исторической школы¹.

Поэтому начинает он свою работу так: «Историческая школа в политической экономии знаменовала собой бунт против классической политической экономии» [6. С. 23]. По существу это верное замечание, поскольку сторонники исторической школы исключали саму возможность существования универсальных законов экономического развития и, следовательно, универсальных рыночных институтов и принципов экономической политики государства. Они предпочитали говорить о национальных закономерностях эволюции хозяйственных сис-

¹ Возможно, это верно для так называемой новой исторической школы, но не совсем адекватно для всего этого научного направления.

тем и, в крайнем случае, предполагали возможность открытия общих законов в отдаленном будущем.

Исследование экономики вообще, т. е. без учета национальной специфики институтов и менталитета граждан считалось бесплодным теоретизированием, поскольку абстрактные модели могли привести либо к банальным, либо к неверным выводам. Разумеется, историческая школа не соглашалась с философией утилитаризма и принципами либерализма в экономической науке.

Но сводить историческую школу только к протесту против классической политической экономии в ее англосаксонской версии, быстро распространявшей свое влияние в континентальной Европе, было бы неверно. Во-первых, сторонники классической политической экономии знали историю, юриспруденцию и практику государственного управления вряд ли существенно хуже своих немецких коллег. Например, Адам Смит использовал исторические примеры для обоснования ключевых тезисов своей теории столь же часто, как и логические рассуждения. Несомненно, он был также знаком с представлениями Аристотеля о единстве основных наук о человеке: этики, экономики и политики, что видно в его работах «Теория нравственных чувств» и «Богатство народов». Будучи приятелем и членом кружка Дэвида Юма, Смит не мог хотя бы частично не разделять его взгляды на роль чувственного опыта и эмпиризма в научных исследованиях, не говоря уже о роли этических и религиозных норм в человеческом поведении.

Но изначальное стремление создать универсальную науку об обществе, своего рода социальную физику привело А. Смита к собственной версии политической экономии. В естественных науках, в частности в физике, законы неизменны во времени и не зависят от воли людей, хотя их проявления в конкретных ситуациях могут различаться. Точно так же в экономике во все времена и во всех частях света следует выделить, по его мнению, то общее, что позволяет описать экономические отношения между людьми. Если мы признаем, что люди разумны и наделены естественными правами на жизнь, свободу и стремление к счастью, то из одного этого мы можем утверждать, что при всем разнообразии поступков итоги их совместной деятельности будут подчинены определенным законам. Без монополий, обычно устанавливаемых государством, и иных привилегий состязательность (конкуренция) между индивидами лишает каждого из них контроля над ценами, что и гарантирует действенность невидимой руки рынка.

Но именно это и не устраивало представителей исторической школы. Исключение человека как продукта исторического развития национальных институтов и духовного развития нации, по их мнению, полностью выхолащивает смысл экономики как общественной науки.

Исследования в рамках основных идей исторической школы проводились задолго до оформления классической политической экономии и продолжались после того, как она была вытеснена на обочину экономической теории. Это обстоятельство позволяет утверждать, что анализ Б. Селигмена неполон.

Суть размежевания исторической школы и более широко – историко-социального направления в экономической науке – сводится к пониманию человека и базовой модели принятия им решений. Для этого направления характерно использование модели социального человека, в то время как основное направление экономической мысли по-прежнему придерживалось концепции экономического человека.

Как указывалось выше, кроме философских и идеологических оснований возникновения исторической школы в ее формировании большую роль сыграли прогресс в историко-экономических и статистических исследованиях. По непонятным причинам большинство исследователей не придают значения этому обстоятельству, хотя оно очевидно. Среди отечественных работ можно выделить только учебник под редакцией В. С. Автономова, в котором упоминается роль французского математика и статистика Ш. Дюпена в обосновании понятия «производительные и торговые силы» и пользы протекционизма для их развития [8. С. 142].

Но конкретно-исторические и статистические исследования выявили факты, которые действительно ставили под сомнения некоторые «догмы» политической экономии. Прежде всего, это касалось бесплодности и даже вредности государственной промышленной политики [5. С. 63], свободы торговли, как внешней, так и внутренней, и развития инфраструктуры.

Экономические успехи сначала Франции, а потом Германии, Японии и России, не отличавшихся либерализмом в государственной политике, ставили под сомнение выводы, а следовательно, и главные принципы основного направления экономической науки.

Еще в первой половине XIX в. С. де Сисмонди показал, что рынок труда не отвечает представлениям о свободной конкуренции. Это означало, что и все остальные рынки должны работать не так, как предписывала им базовая модель политической экономии.

Когда С. Ю. Витте ознакомился с устройством железнодорожного сообщения в США, он утвердился во мнении о разрушительности свободной конкуренции в этой и ряде других отраслей [9]. Вообще он считал Ф. Листа величайшим экономистом и своим учителем или человеком, помогшим ему понять смысл экономических процессов. «Основательное знакомство с «Национальной системой политической экономии» составляет необходимость для всякого влиятельного государственного и общественного деятеля» [10. С. 144]. При этом в своих воспоминаниях он неоднократно и весьма жестко высказывался по поводу профессоров экономики, ничего не смыслящих в вопросах промышленности, финансов или торговли, поскольку все их знания носят абстрактный и потому поверхностный характер.

Ранее мы отмечали значительное влияние работ старой немецкой исторической школы на парадигму марксистской политической экономии, хотя К. Маркс подверг работы немецких экономистов уничтожающей критике. Также нельзя отрицать влияние К. Маркса на формирование новой исторической школы и впоследствии американского институционализма, хотя эти авторы и критиковали марксизм [7].

Исследовательская программа и парадигма исторической школы

Едкое замечание К. Вискеля о том, что «эти экономисты полагали, что сущность экономического исследования состоит в описании торговой практики и промышленности, занимающейся изготовлением деревянных сапожных гвоздей в XVI в.» [6. С. 31], вряд ли заслужено. Действительно, многие работы представителей исторической школы встречали жесткий отпор и даже насмешки со стороны экономистов, работавших в рамках неоклассической парадигмы. Неприятие идей исторической школы имело, в том числе, и идеологическую окраску, поскольку многие ее представители пытались занять промежуточное место между *laissez-faire* и социализмом, особенно в его марксистской версии. Другие авторы склонялись к консерватизму, включая сохранение сословного общества, что также не устраивало в целом либерально настроенных оппонентов.

Но признать идеологические разногласия в научной дискуссии ученым обычно сложно. Поэтому спор велся вокруг методологии экономических исследований². Так, К. Менгер в 1888 г. представил развернутую критику исторической школы. Он не отрицал важность и необходимость изучения истории хозяйства, но считал, что описательная наука не может дать ничего ценного для теории народного хозяйства. В этом видится ключ к решению проблемы оценки вклада исторической школы. Если главной целью политической экономии было открытие объективных законов динамики общественного богатства и его распределения между основными классами общества, а неоклассики – исследование общих принципов принятия решений в условиях ограниченности ресурсов и отсюда механизмов функционирования рынков и установления равновесия, то научной программой историков было выявление закономерностей эволюции хозяйственных систем, включая причины и условия их зарождения и гибели.

Первое, что бросается в глаза и является общим для всех исследователей, которых относят к исторической школе, это выделение различных этапов становления основных институтов общества, которые и определяют их особенности. Выделение отдельных этапов (стадий, формаций, укладов) является важной чертой их подхода. В отличие от других школ «историки» рассматривали не общую модель развития общества, а множество моделей, качественно отличающихся одна от другой. Так, Ф. Лист выделял пять стадий: от пастушеской до торгово-мануфактурно-земледельческой. В. Рошер описывает 3 этапа в истории развития эконо-

² О дискуссии между Г. фон Шмоллером и К. Менгером см. [6. С. 158–159].

мики, связанных с господствующим положением отдельных факторов производства: сначала земли (природы), затем труда и, наконец, капитала. При этом к капиталу В. Рошер относит и квалификацию рабочих, что можно интерпретировать как идею человеческого и / или социального капитала. Идея выделения определенных исторических этапов экономического развития, качественно отличающихся господствующими институтами, политическими системами и мотивацией экономических агентов, а потому движущими силами и закономерностями развития, встречается и в современных экономических теориях, вне зависимости от того, разделяют ли их авторы другие принципы исторической школы. Сейчас это называется генетическим подходом, поскольку исследователи считают, что новое рождается только из старого, в экономике существуют механизмы наследственности и мутации, а все, что имеет начало в истории, имеет в ней и конец.

Главным же принципом, разделяемым всеми без исключения представителями исторической школы, является примат духовного развития общества над материальными условиями производства, распределения, обмена и потребления. В этом чувствуется влияние гегельянской философии, с одной стороны, и социологии и юриспруденции того времени – с другой. Ф. Лист считал, что способность создавать богатство важнее самого богатства, и эта способность и есть производительные силы нации, т. е. совокупность духовных свойств народа. Именно на этом основании Г. фон Шмоллер считал, что исследование экономики следует начинать с анализа психологических, этических и правовых основ общности людей, исследовать взаимоотношения между понятиями семьи, социальной группы и общности, с одной стороны, и понятиями собственности, классов и форм предпринимательской деятельности – с другой. И только после этого можно переходить к рассмотрению собственно экономических понятий: рынков, торговли, стоимости, ренты, кредита, труда и экономических кризисов.

Источник эволюции общества и смены стадий его развития историческая школа видела не в развитии и смене технологий, а в появлении новых идей и развитии образа мысли людей. Для В. Зомбарта источником развития общества были революционные изменения предпринимательского духа, для М. Вебера – распространение идей харизматических личностей и т. д. Идеализм представителей этой школы нас не должен смущать, поскольку даже такой последовательный материалист, как К. Маркс, писал, что идея (теория) становится материальной силой, когда она овладевает массами [11].

Б. Селигмен отмечал: «При рассмотрении экономических и социальных проблем Шмоллер обнаружил исключительную способность сочетать сведения из области психологии, этнографии, антропологии, биологии и геологии, хотя трудно предположить, что он был специалистом во всех этих областях [6. С. 27]. В. Зомбарт смело включал в число источников информации художественную литературу, а М. Вебер активно использовал свои знания по истории религии, искусства и культуры. Теперь это называется междисциплинарным подходом.

Отвергая идеи утилитаризма и модель экономического человека, представители исторической школы уходили в исследование индивидуальной психологии и приходили к выводу о нерациональности индивида. Частично это объяснялось особенностями национального характера или сословными предрассудками, частично – привычками или инстинктами и т. п. Тезис об иррациональности человеческого поведения очень важен для исторической школы, поскольку без него трудно обосновывать национальные особенности функционирования институтов и протекания экономических процессов.

М. И. Туган-Барановский так характеризовал основные идеи исторической школы: «Исторический метод – говорит Рошер, – обнаруживается не только во внешней форме наследования экономических явлений в их хронологической последовательности, но и в их следующих основных идеях:

1) исторический метод стремится показать, как и о чем думали нации по экономическим вопросам, чего они желали, что открыли в экономической области, отчего боролись и почему достигли желаемого;

2) народ не представляет собой массы индивидов, только в настоящее время живущих. Кто хочет заниматься изучением народного хозяйства, для того недостаточно наблюдать лишь современные экономические отношения;

3) исследованию и сравнению в экономическом отношении подлежат все народы, о которых мы можем узнать что-нибудь; с особой пользой и интересом мы имеем возможность изучить жизнь древних народов, история которых уже закончилась, почему мы можем обозреть ее во всей ее целостности;

4) исторический метод не допускает ни порицания, ни восхваления экономических учреждений; мало было таких учреждений, которые могли бы быть вредны или полезны для всех народов и во всех стадиях развития; главная задача науки, с точки зрения экономиста-историка, заключается в том, чтобы показать, каким образом и почему целесообразное постепенно превращается в нелепое, а из благодеяния часто получается бедствие» [12. С. 190].

В результате анализа взглядов В. Рошера Туган-Барановский приходит к выводу, что главной чертой школы является изучение идей, другие тезисы сомнительны, а сам вклад В. Рошера в экономическую науку невелик. «Сам Рошер не сделал ровно ничего в области экономической теории. Но даже в построении истории хозяйства заслуги Рошера невелики и заключаются в основном в необычайном изобилии подстрочных примечаний, обнаруживающих большую эрудицию автора и содержащих в себе массу отрывочных и разнообразных исторических фактов. Примечания эти замечательнее самого текста» [12. С. 191]. Далее, характеризуя взгляды К. Книса, вклад которого он оценивает выше, чем В. Рошера, Туган-Барановский отмечает идею о том, что каждая экономическая доктрина связана с национальным духом и исторической обусловленностью, потому не может претендовать на абсолютную истину.

По-видимому, лучше всего парадигму исторической школы понимал Й. Шумпетер, который определял важнейшие идеи исторической школы следующим образом.

1. Релятивистский подход. Детализированные исторические исследования учат тому, насколько несостоятельна идея существования общезначимых практических правил в области экономической политики. Более того, возможность существования общих законов опровергается положением об исторической причинности социальных событий.

2. Положение о единстве социальной жизни и неразрывной связи между ее элементами. Тенденция к выходу за пределы простых социальных доктрин.

3. Антирационалистический подход. Множественность мотивов и несущественность чисто логических побудительных причин человеческих действий. Это положение утверждалось в форме этических аргументов и в стремлении к психологическому анализу поведения индивидов и масс.

4. Эволюционный подход. Новое всегда рождается из старого, поэтому эволюционные теории призваны использовать исторический материал.

5. Положение о значении интересов во взаимодействии индивидов. Важно то, как развиваются конкретные события и формулируются конкретные условия, а также каковы их конкретные причины, а не общие причины всех социальных событий.

6. Органический подход. Аналогия между социальными и физическими организмами. Первоначальная органическая концепция, согласно которой национальная экономика существует вне различных индивидуальных и над ними, позднее заменяется концепцией, согласно которой индивидуальные экономики, составляющие национальную, состоят в тесной зависимости друг от друга.

Достижения исторической школы

Независимо от того, разделяете ли вы исходные принципы и методы исследования коллег по научному цеху, значение их работ должно определяться по результатам исследований. Следовательно, необходимо выделить научные достижения и открытия исторической школы, закрепившиеся в экономической науке в целом и признанные большинством специалистов вне зависимости от их принадлежности к определенным научным школам и идеологическим предпочтениям.

По-видимому, понятия национальной экономики, национального богатства и национального (народного) дохода следует отнести к достижениям исторической школы или, по крайней мере, к неким общим истокам исторической школы и политической экономии.

Представление об обществе не как сумме индивидуумов, а как о некотором едином и уникальном организме восходит к Адаму Мюллеру. Ему же принадлежит идея о том, что кроме вещественного капитала и денег важную роль играет нравственный капитал – язык, культура, обычаи, который представляет фундамент, на котором развиваться материальная жизнь народов. Ф. Лист писал: «Как характерное отличие выдвигаемой мной системы я утверждаю национальность. Все мое здание основывается на природе нации как среднего члена между индивидуумом и человечеством» [13. С. 312]. Идеи националистического и даже расистского характера отвергаются современной наукой, но большинство экономистов в своей работе учитывают условия функционирования национальных рынков и особенности ведения бизнеса в отдельных странах.

Ф. Лист ввел понятие «производительные силы нации» как совокупность общественных условий, без которых не может развиваться «богатство нации», и ставил целью изучение их возникновения, роста, ослабления и исчезновения. Правительство может помочь развитию национальных производительных сил наилучшим образом, разрабатывать естественные национальные источники, улучшать национальное благосостояние, культуру и т. д. для оправдания государственного вмешательства в экономическую жизнь. Ф. Лист показывает наличие противоречия между частным и общественными интересами и фактически вводит понятие внешних эффектов, или экстерналий. При исследовании выгод от развития того или иного производства Лист отвергал бухгалтерский подход, основанный на идее рентабельности. Он рассматривал длительные и косвенные выгоды от размещения производства для территории: улучшение условий труда и быта, повышение квалификации работников, вовлечение в хозяйственный оборот новых источников природных ресурсов, использование которых в иных условиях было бы неэффективно. Наличие внешних эффектов и долгосрочных последствий хозяйственных решений, по его мнению, заставляет усомниться в эффективности рыночной системы и является достаточным обоснованием государственного интервенционизма. Тем самым он дал обоснование полезности таможенной политики, закрытия или открытия национальных рынков и предложил схему международной экономической интеграции.

Следующее достижение, приписываемое Ф. Листу, состоит в том, что результат (эффективность) использования ресурсов определяется не только и не столько используемой технологией, но и этикой рабочих и предпринимателей, «стилем» ведения дела. В настоящее время этот тезис широко используется экономистами, разделяющими идею решающей роли человеческого и социального капитала как факторов долгосрочного экономического роста. Сюда же примыкают идеи представителей исторической школы о влиянии семьи, религии, системы образования и т. д. на воспроизводство человеческого капитала.

До сих пор многие экономисты и особенно публицисты разделяют мнение Ф. Листа, что критерием зрелости национальной экономики является структура внешней торговли. «Можно утверждать, что нация тем богаче, чем больше экспортирует продукции промышленности и больше импортирует продуктов тропической зоны» [13. С. 313].

Представители исторической школы отвергали принятое в политической экономии понимание законов. Если для экономистов закон – это отражение объективных процессов, регулирующих все стороны экономической жизни вне зависимости от воли людей, то для историков – это, скорее, объективная неизбежность прогресса и развития производительных сил нации, последовательно проходящей жесткую последовательность стадий развития от состояния дикости до земледельческо-промышленного. При этом государство может влиять на скорость прогресса, но не изменять его направления.

Эта идея в сильно измененном виде была использована в неолиберальной доктрине фрайбургской школы, представляющей собой попытку синтеза парадигм исторической школы и неоклассики [7. С. 70].

Позитивный эмпирический подход в противоположность нормативному, отстаивавшийся историками, оказал существенное влияние на активизацию статистических исследований, что позволило сформулировать и обосновать ряд устойчивых «эмпирических законов» вроде закона Э. Энгеля или товаров Р. Гиффена. Другие достижения школы – обоснование требования перепроверки полученных результатов на данных из альтернативных источников

и большого числа индикаторов, позволяющих формулировать и обосновать количественные и качественные оценки социально-экономических процессов.

Разумеется, многие выводы историков, в особенности национальная или даже расовая теория возникновения капитализма В. Зомбарта или теория идеальных типов М. Вебера, были подвергнуты критике и даже опровергнуты. Но сама их критика послужила прогрессу экономической науки и особенно социологии.

Й. Шумпетер рассматривал немецкую историческую школу как обособленную часть и предшественницу американского институционализма. М. Блауг выделяет три черты «старого институционализма», «относящиеся к области методологии:

1) неудовлетворенность высоким уровнем абстракции, присущим неоклассике, и в особенности статическим характером ортодоксальной теории цены;

2) стремление к интеграции экономической теории с другими общественными науками, или “вера в преимущества междисциплинарного подхода”;

3) недовольство недостаточной эмпиричностью классической и неоклассической теорий, призыв к детальным количественным исследованиям» [3. С. 657]. Кроме того, он отмечает требование институционалистов усилить «контроль общества над бизнесом» и благожелательное отношение к государственному вмешательству в экономику.

На том основании, что Т. Веблен, который, между прочим, высоко ценил Г. фон Шмоллера и К. Маркса, «не был увлечен раскапыванием фактов экономической жизни и в принципе не возражал против абстрактно-дедуктивного метода неоклассиков» [3. С. 657], М. Блауг делает вывод об отсутствии методологической преемственности между исторической школой и ранним институционализмом. Но его же предыдущее высказывание на той же странице, особенно при сопоставлении с анализом Б. Селигмена, показывает, что такая связь имеет место. Конечно, практически вся последующая эволюция институционализма означала постепенный разрыв с исторической школой и движение в сторону неоклассики. Но влияние «корней» исторической школы чувствуется и в современных работах, например, М. Олсона [14].

Попытки «возвращения» к парадигме новой немецкой исторической школы, равно как и к марксизму, предпринимаются в современной России. Это следует рассматривать как своего рода неприятие «западной» экономической теории и, более широко, протест против либерального образа мысли, желание подвести теоретическое обоснование под идеи усиления дирижизма в экономике, ускорения экономического развития за счет снижения потребления для большей части населения, реализации амбициозных мегапроектов. «Наряду с экономическим содержанием в жизни есть и внеэкономическая, духовная составляющая. Это не только религия, но весь спектр нематериальной культуры народа – его история, язык, особенности менталитета, представления о справедливости, его моральные идеалы. Игнорирование этой – самой главной – стороны жизни при разработке стратегии жизнедеятельности государства приводит к утрате смысла существования народа, растворению в других культурах» [15. С. 676]. Показательна и реакция на эту работу со стороны ведущих отечественных ученых, опубликованная в том же журнале. И это не единичный пример. Близка в идеологическом и методологическом плане еще одна статья в главном научном журнале Российской академии наук [16]. По мере распространения идеализма и даже мистицизма в общественном дискурсе и при принятии государственных решений, что очень странно в стране победившего материализма, ренессанс идей немецкого романтизма уже не представляется анахронизмом.

Список литературы

1. Белоусов В. М., Ершова Т. В. История экономических учений: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 544 с.
2. Делепяс Г. Лекции по истории экономической мысли. Европейский подход. Новосибирск, 2000. 334 с.
3. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. 4-е изд. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.
4. Гурова И. П. История метода историко-экономической науки. Ульяновск, 1999. 95 с.
5. Гурова И. П. Конкурирующие экономические теории. Ульяновск, 1998. 176 с.

6. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. 600 с.
7. Клисторин В. И. Лекции по истории экономической мысли: Учеб. пособие для вузов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 162 с.
8. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашовой. М.: Инфра-М, 2002. 784 с. (Серия «Высшее образование»)
9. Витте С. Ю. Избр. воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 719 с.
10. Витте С. Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист // Вопросы экономики. 1992. № 2. С. 140–160.
11. Маркс К. К критике гегелевской философии права. URL: http://www.marxists.org/russkij/marx/1844/philosophy_right/01.htm
12. Туган-Барановский М. И. Очерки по новейшей истории политической экономии. СПб: Изд. журн. «Мир Божий», 1903. Т. 10. 434 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003717545#?page=1>
13. Аникин А. В. Юность науки: жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М.: Политиздат, 1979. 367 с.
14. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998. 432 с.
15. Якунин В. И. Интеграционный проект солидарного развития на Евро-Азиатском континенте (научно-практические концепции) // Вестн. РАН. 2014. Т. 84, № 8. С. 675–688.
16. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Счастье как научная категория // Вестн. РАН. 2014. Т. 84, № 8. С. 715–723.

Материал поступил в редколлегию 28.08.2014

V. I. Klistorin

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
17 Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

klistorin@mail.ru

HISTORICAL STORIES OF THE HISTORICAL SCHOOL

The paper discusses a scientific program and paradigm of the historical school as well as the role it plays in economics and shows that there are diametrically opposite viewpoints on how studies of this research area has impacted on the development of economic thoughts in the past and what impacts can be observed today. It also describes the principle differences between historical school's representatives and those of classical economics; analyzes how different authors understand the notions of the scientific program and paradigm of the historical school; the specifics of the studies of this research area and concludes that it is not worth confusing such studies with historical or economical ones as they could be done within the framework of the alternative approaches. The paper presents the achievements of historical school, which are universally recognized or/and widely applied by the different branches of science and new arguments in favor of the continuity and mutual influence of historical school, Marxism, and old American institutionalism.

Keywords: scientific program, paradigm, German historical school, new historical school, old historical school, Marxism, positivism, old institutionalism.

References

1. Belousov V. M., Ershova T. V. *History of Economic Theories*. Rostov-on-Don, 1999, 544 p. (in Russ.)

2. Deleplace G. *Lectures on the History of Economic Thought. European Approach*. Novosibirsk, 2000, 334 p. (in Russ.)
3. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. Moscow, 1994, 720 p. (in Russ.)
4. Gurova I. *History of the Method of Historical and Economic Science*. Ul'yanovsk, 1999, 95 p. (in Russ.)
5. Gurova I. *Competent Economic theories*. Ul'yanovsk, 1998, 176 p. (in Russ.)
6. Seligman B. *Main Currents in Modern Economics*. Moscow, 1968, 600 p. (in Russ.)
7. Klitorin V. *Course of Lections on History of the Economic Thought*. Novosibirsk, 2009, 106 p. (in Russ.)
8. Avtonomov V. et al. (eds.) *History of Economic Theories*. Moscow, 2002, 784 p. (in Russ.)
9. Vitte S. Yu. *Selected Memoirs of 1849–1911*. Moscow, 1991, 708 p. (in Russ.)
10. Vitte S. Yu. National Economy and Friedrich List. *Issues of Economics*, 1992, vol. 2 (in Russ.)
11. Marx K. *A Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right*. URL: http://www.marxists.org/russkij/marx/1844/philosophy_right/01.htm (in Russ.)
12. Tugan-Baranovsky M. Essayson History of Modern Economics. *God's Peace Journal*, 1903, vol. 10, p. 434. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003717545#?page=1> (in Russ.)
13. Anikina A. V. *The Youth of Science: Livesand Ideasof Pre-Marx Economists*. Moscow, 1979, p. 367 (in Russ.)
14. Olson M. *The Rise and Decline of Nations*. Novosibirsk, 1988, 432 p. (in Russ.)
15. Yakunin V. Integration Project on Euro-Asia Solidarity Development. *Bulletinof the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 84, p. 675–688. (in Russ.)
16. Zhuravlev A., Yurevich A. Happiness as an Academic Category. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 84, p. 715–723. (in Russ.)